Книга 1: Пробуждение волка

Глава 1

Неизвестные земли, 2100 лет назад

Гайнеам побежал к краю утеса, его маленькие ручки плачущего четырехлетнего сына крепко обвили его шею. Он находился всего в ста футах от края, и когда он поднял взгляд от земли перед собой, его взгляд был полностью заполнен огромным океаном, который вечно бежал во всех направлениях. Внезапно он услышал, как его жена Дараб выкрикнула его имя сзади. Он повернул голову, ожидая увидеть ее рядом с собой, но остановился, как только понял, что ее больше нет. Она споткнулась и упала на колени, отчаянно ползя к их маленькому сыну, который вырвался из ее рук, когда она споткнулась на каменистой равнине. Он побежал обратно к ним обоим, добравшись до своего младенца одновременно с женой. Дараб стянула одеяло с плачущего сына, но крови не увидела.

«Дараб! С ним все в порядке! Нам нужно бежать!» - кричал он жене, когда она подхватила ребенка на руки, и когда он тянул ее тонкую блузку, чтобы помочь ей встать на ноги.

Стоя теперь спиной к океану, Гайнеам мог ясно видеть то, что было позади них, и это зрелище ошеломило его. Равнина была шириной в несколько миль и тянулась на запад еще больше, пока не достигла подножия огромного горного хребта. Вся равнина была покрыта сотнями тысяч бегущих в его сторону представителей его рода, почти все, как и Дараб и он, с детьми. Самых маленьких детей несли на руках, а старшие бежали рядом с родителями, взявшись за руки. Крики пронзили воздух, и на лицах всех отразился ужас. Далеко позади, спускаясь с горного хребта, он едва мог разглядеть их преследователей. Даже с такого расстояния он мог сказать, что они не принадлежали к его народу: все они шли пешком и носили одежду из очень тонкого и легкого материала. Те, кто находился в горах, были верхами и украшены тяжелыми черными доспехами. Увидев своих преследователей так близко, он начал отчаиваться. У них не было возможности сделать это сейчас.

Он быстро повернулся и снова побежал к краю пропасти, а через несколько секунд остановился, достигнув уступа. Он был полон надежды и страха одновременно. Внизу, прямо у береговой линии, стояли на якоре сотни и сотни сверкающих белых кораблей, как им и было обещано. К сожалению, казалось, что добраться до них невозможно. Скала высотой двести футов была почти полностью вертикальной. И даже если бы у них были достаточно длинные веревки, чтобы дотянуться до пляжа, они бы никогда не спустились до прибытия преследователей.

«Мы доверяли тебе, Глойриневеллиенн», — прошептал себе Гайнеамх.

Все больше и больше представителей его расы начали прибывать к краю утеса, и, увидев свое затруднительное положение, они либо начали причитать, либо обратиться к нему за советом.

«Почему они смотрят на меня?» подумал он про себя. «Я не мой отец».

Он сорвал сына с шеи, передал его Дарабу и закричал: «Оставайся здесь! Я вернусь!» Затем он повернулся и побежал вдоль края утеса, надеясь найти хоть какой-нибудь доступ к пляжу. После пяти минут поисков он нашел узкую извилистую тропу, которая десятки раз зигзагом петляла взад и вперед вдоль скалы. Он подумал, что, хотя это и опасно, они смогут спуститься к пляжу по тропе, но покачал головой, поняв, что всем буквально потребуются дни, чтобы спуститься вниз. Дорога была слишком узкой, чтобы по ней могли пройти более одного человека. Им придется спускаться по одному, очень длинной гуськом. Он оглянулся на горный

хребет и увидел, что их преследователи уже достигли равнины. Учитывая, что они были верхом, они скоро придут, а затем последует смерть или, что еще хуже, плен.

Гайнеам бросился обратно к своей семье и схватил Дараба за руку.

"Приходить!" - кричал он и на нее, и на всех вокруг.

Когда он подошел к тропе, он взял ее за плечи и посмотрел ей в глаза. «Вы должны отправить наших сыновей на корабль. Обещайте мне».

"А вы?" — спросила она, умоляя ясно в глазах и голосе.

«Я приду, но я должен помочь отцу. А теперь иди!»

Дараб хотела поспорить, но ей нужно было думать о своих сыновьях. Она повернулась и медленно пошла по узкому, коварному пути к спасению, неся на руках обоих своих сыновей.

Гайнеам бежал на запад, обратно к горному хребту, но это было почти невозможно, поскольку все больше и больше представителей его расы приближались к краю утеса. Наконец он начал реветь во все горло: «Уступите дорогу! Уступите дорогу!» когда он бежал сквозь них, надеясь, что его крики заставят их разбежаться. Ему нужно было добраться до отца, который, как он знал, будет замыкать шествие нации. Его отец поручил ему провести их к океану, и он это сделал, но, похоже, безуспешно. Казалось, что в лучшем случае тысяча из них доберётся до кораблей, прежде чем конные преследователи срежут их, как пшеницу во время жатвы.

Десять минут спустя он увидел своего отца Крейдама. Он стоял, склонив голову, на обоих коленях посреди равнины, лицом к западу, лицом к своему врагу.

"Отец!" Гайнеам заплакал, если он подбежал к нему. «Мы никогда...»

Но его сбilo с ног, когда с неба внезапно упали огненные шары. Огненные метеориты упали на землю, вызвав гигантские взрывы грязи и камней, заполнившие воздух. По мере того, как с небес падало все больше и больше, равнины загорелись, полностью отгораживая конных преследователей.

Три дня спустя Гайнеам стоял на корме одного из последних отошедших кораблей. Он только что отплыл и находился всего в нескольких сотнях ярдов от берега. Рядом с женой и детьми он смотрел на скалу и на равнину. И только тогда внезапно метеориты перестали падать.

ooo

Велен, июнь 1272 г.

«Я склонен к суициду? Ну, это ты мертва, сука».

Ведьмак потянул вверх рукоять своего серебряного меча - того, который пригвоздил голову Старухи к земле - и, обыскав труп ведьмы, направился к самому высокому из трех деревянных зданий «приюта», расположенного в центре Горбука. Болото. Он проигнорировал дюжину или более болотных монстров, круживших вокруг только что закончившейся битвы. У него была единственная цель - найти медальон с головой волка. Быстрым ударом частично открытая входная дверь влетела внутрь на петлях и ударилась о гнилую деревянную стену, заставив всю хижину содрогнуться.

Первый этаж представлял собой большое центральное пространство, и, поскольку солнце только садилось, комната была тускло освещена, а ее углы заполнялись тенями. На стене напротив главного входа располагалась культовая святыня, состоящая из десятков зажженных свечей, человеческих ушей, примитивных кукол и большого, частично разрушенного гобелена – гобелена, сотканного из человеческих волос, покрывавшего всю стену. Охотник на монстров направился налево, к первой попавшейся ему полке, и принялся обшаривать миски и прочие украшения и безделушки, загромождавшие логово Болотных Дам.

С каждым мгновением разочарование обычно стоического человека росло, пока он не начал бродить внутри в полубезумном состоянии. Глаза ведьмака заметили в углу комнаты небольшой деревянный сундук, частично скрытый табуреткой. Уронив меч на ноги, он подхватил запертый сундук, с гортанным воплем поднял его над головой и швырнул на пол, где тот разлетелся на куски. Несколько лучей умирающего солнечного света пробились через открытую дверь хижины и отразились на серебряном предмете, спрятанном среди деревянных обломков. Утомленный воин наклонился, чтобы поднять безделушку. Когда миссия была завершена, семидневное изнеможение нахлынуло на седовласого мужчину и бросило его на колени.

И тогда ведьмак закрыл глаза, склонил голову и заплакал — или, по крайней мере, настолько, насколько ведьмак был способен. Истребитель монстров потерял счет времени, стоя на коленях на полу хижины, но, в конце концов, медленно открыл глаза и посмотрел на медальон Школы Волка в своей руке – тот самый медальон, который когда-то носил как его наставник Весемир, так и его приемная дочь. Слезы не наполнили его глаза, но единственный, едва слышный звук вырвался из его горла, когда он выдохнул.

— Цири, — прошептал он. Он чуть не подавился этим именем.

Хотя мутагены, принятые ведьмаками в юности, действительно вызывали мутации в их телах, они, вопреки распространенному мнению, не лишили ведьмаков способности испытывать человеческие чувства. Или, по крайней мере, они не сделали этого с Геральтом из Ривии, и в этот момент внутри стареющего человека прокатились волны эмоций – печали, вины, гнева и разочарования. Печаль – потому что он знал, что никогда больше не услышит смех Цири; он никогда больше не почувствует, как ее тонкие руки обнимают его шею. Исчез шанс когда-либо передать ей свой опыт и мудрость, пока они вместе шли по Пути.

Вина и гнев – потому что он все еще верил, что мог что-то сделать, чтобы предотвратить ее смерть. Разочарование – потому что он просто не знал, что теперь делать со всеми этими чувствами. Месть Геральт хорошо знал, и стремление к ней позволило бы ему справиться или, по крайней мере, игнорировать бурю эмоций внутри него. Прекращение жизни убийцы Весемира было для Геральта невероятным катарсисом, но месть – Геральт предпочитал слово «справедливость» – в данном случае была просто невозможна. Он не мог отомстить убийце своей двадцатиоднолетней дочери, поскольку всего неделю назад она сама победила Белый Мороз. Но при этом она также потеряла свою жизнь.

Таким образом, ведьмак прибыл в Горбатую топь с двойной миссией. Он хотел вернуть медальон с волчьей головой, потому что это было единственное, что осталось от Цири в этом мире. А, во-вторых, у него были еще незаконченные дела с Уивесс — Старухой, которая в предыдущем бою сорвала медальон с шеи Цири. Поскольку он не мог отомстить Белому Морозу, ему пришлось выбрать альтернативный объект для своего гнева. Но теперь... теперь, когда он достиг обеих своих целей, он обнаружил, что они не принесли ему того удовлетворения и освобождения, на которые он надеялся. Убийство Старухи – хотя и оправданное – все равно не вернуло Цири к жизни. И ярость все еще была там.

«Черт поberi, Цири. Это должен был быть я», — прохрипел он.

Ведьмак глубоко вздохнул, но это было словно ножом по легким. Пустота в его груди казалась живой, как будто пожирала его изнутри. Он закрыл глаза и начал сжимать серебряный медальон с волчьей головой так сильно, как только мог – как будто это каким-то образом могло помочь ему бороться с болью. Его чувства взорвались, когда острые металлические кончики медальона пронзили плоть его пальцев. Но он продолжал сжимать все сильнее и сильнее, усиливая боль. Когда кровь капала с его перчаток без пальцев, Геральт, как ни странно, почувствовал какое-то облегчение. Он даже не осознавал этого, но его внутреннее смятение, казалось, уменьшалось по мере того, как сильнее он сжимал. Геральт открыл глаза и увидел единственную каплю крови, упавшую на пол. Благодаря его обостренным чувствам темно-красный шар падал, как в замедленной съемке. Когда он ударился о деревянные доски хижины мертвой Старухи, это прозвучало как громкий хлопок, который вырвал его из мыслей и в настоящий момент... и инстинкты ведьмака включились.

Мгновенно Геральт наступил на свой серебряный меч, лежавший у его ног, и одновременно ударил по полу Взмахом Аарда, улучшенной версией Аарда, одного из его пяти ведьмачьих знаков или «магических» способностей. Тут же три приближающихся болотных существа, вошедшие в хижину, полетели назад вместе с мебелью, посудой, горшечными растениями и прочим мусором во все стороны. Одним плавным движением убийца монстров схватил свой меч, кувыркнулся к ближайшему упырю, а затем, поднявшись на ноги, пронзил сердце все еще лежащего существа. Повернувшись спиной к двум другим трупофагам, он сразу же отступил влево, чтобы избежать нападающего альгуля, который только что провел когтем по воздуху там, где долю секунды назад находился позвоночник Геральта. Диагональным ударом вниз он рассек атакующего монстра пополам через его среднюю часть, а затем использовал импульс своего смертельного удара, чтобы вернуться к третьему зверю. Он посмотрел мимо монстра и увидел полдюжины утопающих возле входной двери.

Побывав раньше в хижине, Геральт знал, что это единственный вход. Если бы он мог удержать остальных монстров снаружи, то он мог бы использовать этот единственный вход как узкий проход, чтобы не быть окруженным. Он вытащил из-за пояса бомбу «Танцующая звезда» и швырнул ее в сторону входной двери. Бомба попала в свинцового утопителя и взорвалась огненным шаром, опалив всех некрофагов и оттолкнув их от входа. Их крики агонии вызвали на лице ведьмака легкую усмешку. Когда их тела горели, ярость внутри него становилась все сильнее.

Оставшийся внутри дома гуль на мгновение отвлекся на взрыв позади него и отвернулся от добычи. Ведьмаку нужна была доля секунды. Он прыгнул вперед к зверю и ударом по шее отрубил ему голову. Затем Геральт посмотрел на вход и увидел, как огненное пламя лизает дверь и часть дверного косяка.

«Надо было использовать Северный ветер», — прорычал ведьмак про себя, имея в виду одну из своих негорючих бомб.

Геральт бросил стандартный Знак Аард в сторону входа. Взрывная телекинетическая сила сорвала поврежденную дверь с петель, но также потушила пламя. Когда огонь был потушен и спина была прикрыта, опытный боец знал, что ситуация под контролем. Утопленники, гули и альгули, не будучи существами с рациональным мышлением, не обладали способностью вырабатывать стратегию, поэтому он приготовился просто истреблять каждого монстра одного за другим, когда они войдут в хижину.

"Кто следующий?" — спросил он своим скрипучим голосом, когда вой зверей наполнил ночной

воздух. Этот богом забытый мир почувствует его боль.

Десять минут спустя окровавленные трупы болотных существ усеяли территорию возле входной двери хижины. Геральт двинулся в центр «приюта» и оглядел окрестности. Даже без полной луны он мог легко рассмотреть общие черты лица в темноте благодаря своим «кошачьим» глазам — эффекту мутагенов, принятых в детстве. Хотя он мог слышать существ на расстоянии четверти мили, он не видел и не чувствовал никого поблизости.

Он внезапно вспомнил, как впервые ступил на жалкую болотистую местность, известную как Кривое болото. Это было всего несколько недель назад, когда он искал Цири. Воспоминания об именах и лицах начали нахлынуть, и он медленно покачал головой, осознав, сколько смертей и боли произошло в болоте из-за живших там Старух.

«Здесь так много зла. Оно должно все сгореть».

Геральт оседлал свою верную кобылу, а пламя охватило здания вокруг них, заставляя тени танцевать по окружающему болоту.

«Надеюсь, ты получил все, Роуч, — сказал убийца монстров своей лошади, — потому что мы никогда не вернемся».

Ведьмак не знал, куда он направляется, но знал, что ему нужно оставаться на Пути. Пока ему предстоит сражаться с монстрами, ему не придется сталкиваться с монстром, скрывающимся внутри.

ooo

Вызима, Темерия; август 1272 г.

У императора Эмгыра вар Эмрейса был не лучший день. Правда заключалась в том, что у человека, также известного как «Белое пламя, танцующее на могилах своих врагов», лето было не очень хорошим. Все началось два месяца назад, когда Филиппа Эйльхарт сообщила ему, что Цири пропала и считается мертвой. Однако чародейка не могла сообщить никаких подробностей и не знала, куда именно ушел ведьмак, у которого были подробности. Перед тем, как покинуть остров Ундвик, истребитель монстров рассказал Йеннифэр что-то о Горбатой трясине, но больше ничего. Поэтому людям императора понадобилось два месяца, чтобы выследить приемного отца девушки и сопроводить его в Вызиму, временную резиденцию Императора на время войны с Севером.

Наблюдая, как Белого Волка сопровождают в его покои, император был искренне удивлён. Возможно, он и не любил дерзкого ведьмака, но всегда питал некоторое неохотное уважение к его профессионализму и смертоносным способностям. Но человек, стоящий сейчас перед ним, больше напоминал пьяного бродягу, чем хорошо обученного убийцу. Он выглядел так, будто едва мог завязать шнурки на собственных ботинках. Волосы ведьмака, обычно аккуратно собранные в хвост, были длинными и распущенными, свисающими до плеч. Его борода выглядела всклокоченной и очень неопрятной. И Император даже не подозревал, что у ведьмака кошачьи глаза могут быть налитыми кровью, а вот у Геральта точно были. А запах — как будто из ведьмачьих пор вытекал спирт. Что, по правде говоря, было даже хорошо, поскольку послужило непреднамеренным благословением, маскирующим ужасный запах тела ведьмака.

— Она... сказала что-нибудь обо мне? — спросил император, выслушав сокращенное изложение событий, связанных с предполагаемой смертью его биологической дочери. Лишь тот факт, что

ее тело так и не было найдено, не позволил подтвердить ее смерть.

«Ни слова. Для нее ты был просто каким-то парнем, который сбил ее маму – не более того».

Лицо ведьмака оставалось нейтральным, но насмешка в его голосе была безошибочной.

Император тяжело сглотнул, а затем, сузив глаза и сжав челюсти, повернулся спиной к Мяснику из Блавикена. «Ты уволен, ведьмак. Я желаю никогда больше тебя не видеть. Понятно?»

«Это чувство взаимно... Дани».

Император обернулся, почти ожидая, что ведьмак выйдет за дверь. Вместо этого охотник за головами неподвижно стоял посреди комнаты, его глаза впелись в глаза самого могущественного человека на Континенте. После нескольких долгих секунд молчания на лице ведьмака промелькнуло странное выражение – император мог бы поклясться, что это было выражение разочарования – а затем Белый Волк повернулся и вышел из покоев.

Император вскипел. Последний комментарий ведьмака — напоминание о том, что император обязан жизнью убийце чудовищ. Его гордость уязвляла мысль о том, что он чем-то обязан любому человеку, а тем более самим своим существованием, такому мутанту, как Геральт из Ривии.

Известие о смерти Цири было весьма неприятным. Это, безусловно, разрушило планы императора отречься от престола. Правда заключалась в том, что после десятилетий руководства Империей он был измотан. Возможно, он был самым влиятельным человеком на континенте, но каждый день он чувствовал бремя ответственности, связанной с этим положением. Он знал, что императоры обычно покидали свой пост только в результате смерти – иногда по естественным причинам, но чаще в результате убийства.

Единственным исключением были случаи, когда у них уже был готов сильный преемник. Цири должна была стать этой преемницей. С силой, которой она обладала благодаря ношению Старшей Крови, и с его наставничеством в области дипломатии и лидерства, она могла бы легко заменить его на посту правителя величайшей империи планеты и продолжить наследие его и нации в далеком будущем. И Император приближался к эпохе, когда его наследие имело первостепенное значение. Он уже сделал для Нильфгаардской империи больше, чем любой из его предшественников.

Посредством военных завоеваний и политических союзов он раздвинул границы страны дальше, чем когда-либо. Его империя, несомненно, была самой крупной и могущественной империей, которую когда-либо видела планета. И все это произошло благодаря ему. Зная, что в пророчестве Итлинны говорилось, что отпрыск Цири в конечном итоге будет править всем миром, его план состоял в том, чтобы передать ей бразды правления Империей. Тогда его наследие будет закреплено. Он навсегда останется известен как архитектор, заложивший фундамент самой грозной империи в мире. Но, как оказалось, Итлинна, эльфийский оракул, всё-таки не всё точно предсказала.

ooo

Геральт привязал мечи к спине, выходя из Вызимского дворца, и почему-то ему вспомнились последние слова Старухи: «Я чувствую от тебя смрад самоубийства». Это было не совсем точно, но близко к этому. Правда заключалась в том, что, хотя он и не хотел убивать себя, его больше не заботило, выживет ли он. Когда дюжина нильфгаардских солдат нашла его в баре в

Горс Велене, он, несмотря на свое пьяное состояние, на мгновение подумывал обнажить свой клинок против них всех.

Но он передумал, когда понял, что получит возможность противостоять императору. Он ненавидел этого человека и все, что он представлял. Хотя Эмгыр, возможно, и не убивал Цири сам, он, по мнению Геральта, был одним из ее злейших врагов. Враг, который, как Аваллак'х, как Дикая Охота, как Филиппа Эйльхарт и остальные волшебницы Лужи, не уважал ее и не рассматривал ее как личность, а скорее как инструмент, который можно использовать для своих собственных целей. Император, как и все остальные, хотел ее только из-за ее особых способностей и ни для чего другого. Они не любили ее, не заботились о ней, не были готовы умереть за нее.

Геральт получил удовлетворение от оскорбления императора, и какая-то часть его надеялась, что оскорбления спровоцируют этого человека на физическую атаку. Хотя стражники забрали его мечи, они не заметили нож, спрятанный в его ботинке, и ему очень хотелось вонзить его в горло императора. Он думал, что обращение к императору «Дюни» помогло бы.

Это имя Эмгыр использовал десятилетия назад, когда был причудливым монстром, недугом, вызванным темным проклятием – проклятием, которое удалось снять только с помощью ведьмака. Белый Волк сомневался, что ему удалось скрыть выражение разочарования на лице, когда он понял, что Эмгыр не собирается клонуть на наживку. Очевидно, чувство самосохранения императора взяло верх. У этого человека было много качеств, но глупость в их число не входила, а нападение на ведьмака – каким бы похмельем оно ни было – было быстрым путем в могилу. Геральт, честно говоря, не понимал, почему он все равно не вынул нож и не убил ублюдка. В эти дни он не мог ясно мыслить. Он уже довольно давно не мог ясно мыслить. Ему нужно выпить, подумал он про себя.

ooo

Кровь текла из носа ведьмака, но на его лице играла улыбка – жуткая, наполненная кровью улыбка. Его голова откинулась назад, когда сильный кулак ударил его по скуле, и хотя сила удара заставила его сделать шаг назад, он остался стоять. Он снова повернулся лицом к нападавшим, медленно покачал головой и еще раз ухмыльнулся.

«Тебе придется действовать получше», – заявил он, когда кровь капала с его нижней губы на бороду, теперь бороду с красными прожилками.

— К черту, Ларс. Пошли. Урод безумен. Он даже не защищается, — сказал один из троих мужчин, стоящих перед Геральтом.

Все трое избивали ведьмака последние пять минут. Каждый раз, когда они думали, что он больше не выдержит, он медленно поднимался с земли и снова стоял перед ними. Двое мужчин были измотаны — покрытые потом и тяжело дышащие, изнуренные шквалом ударов руками и ногами за первые несколько минут. Кажется, только у Ларса остались силы.

Покинув дворец, Геральт отправился на поиски водки. Побывав раньше в Вызиме, он быстро нашел местный кабак, купил бутылку и стал пить в одиночестве. С каждой выпитой рюмкой его настроение становилось все более отвратительным и угрюмым. Теперь, когда он больше не был в присутствии императора, презрение, которое он испытывал к этому человеку и ко всему остальному гнилому миру, начало обращаться вовнутрь. Он оглядел таверну и поймал свое отражение в темном стекле ближайшего окна. Его глаза впились в его собственные. Продолжая смотреть на свое лицо, он поднял кружку с водкой в притворном приветствии.

«За некомпетентных неудачников мира», — сказал он себе, прежде чем вылить содержимое чашки.

Через некоторое время его душевное самобичевание было прервано. Как обычно, троим воинственным местным жителям, чье чувство непобедимости подкреплялось алкоголем, а здравый смысл им мешал, не потребовалось много времени, чтобы противостоять ведьмаку.

«Такие, как ты, здесь не нужны, урод», — заявил один из них с ухмылкой на лице.

Геральт отразил еще один выстрел и посмотрел на троих мужчин, стоящих перед ним. Он кивнул головой, его губы начали складываться в слабую, но очень хищную улыбку. — Давай выйдем на улицу, ладно?

Нигде между столом и входной дверью ведьмак не принял сознательного решения просто избить троих мужчин, но, когда он стоял перед ними в ночном воздухе, голос в его голове сказал: «Ты это заслужил». И в этот момент он просто опустил руки в стороны.

Увидев, как трое мужчин уходят в темноту, он, хромя, вернулся в таверну и вернулся к своему столу. У него было несколько зелий, которые могли бы облегчить боль, но он решил не принимать их. Вместо этого он схватил бутылку водки и пробормотал про себя: «И где мы были?»

ooo

Три дня спустя Геральт, у которого закончились и водка, и монета, решил отправиться на север, к реке Понтар и военному фронту. Традиционно обе области изобиловали монстрами: речные бассейны, потому что даже монстрам нужна вода, и военные фронты, потому что поля сражений полны трупов. Возможно, ему удастся найти контракт на зверя, который либо угрожает, либо просто посягает на цивилизацию. Он надеялся на это, потому что контракт означал деньги; а деньги означали алкоголь; а алкоголь означал притупление воспоминаний.

Он ехал по главной дороге из Вызимы в сторону небольшого города Ринде, расположенного к северу от Понтара. Сразу за местом развилки дороги, ведущей в город Анкор, было поле битвы, но ведьмак мог сказать, что какая бы стычка там ни произошла, она произошла несколько месяцев назад. Хотя он мог легко уловить запах смерти в воздухе, он не увидел ни трупов, ни обычных падальщиков падали — стервятников и гулей. Он почувствовал запах крови, впитавшейся в землю. Хотя поле выглядело чистым, он все же спешил с Плотвы и начал медленно идти зигзагами, используя ведьмачье чутье в поисках лишних монет. Через два часа он нашел шестнадцать оронов. В глубине души он знал, что то, что он делал, было довольно жалко, но какое, черт возьми, его это волновало. Теперь у него было достаточно денег, чтобы купить немного выпивки. Он просто надеялся, что сможет добраться до Ринде до того, как закроются все таверны.

ooo

Предупреждение для тех, кто путешествует между Ринде и Муривелем. Что-то или кто-то нападал на всех путешественников по дороге, включая торговые караваны. Если у кого-то хватит смелости поймать или убить указанного преступника, поговорите с Жаком в таверне «Гульффик». Всем остальным следует избегать этой дороги с крайним предубеждением — если вы не Черный, тогда идите вперед.

Геральт прочитал этот потенциальный контракт на доске объявлений в городе Ринде за несколько часов до восхода солнца. На самом деле он не приехал в город, и ни одна таверна

еще не работала. Реданская армия сожгла мост через Понтар, стремясь удержать нильфгаардцев на южном, темерском берегу реки. Поэтому ведьмаку потребовалось довольно много времени, чтобы пересечь в темноте берег реки, пока он не нашел подходящее место для них с Плотвой, чтобы переправиться – место, которое не было бы слишком широким, где течение не было бы слишком сильным, и где не было существ, скрывающихся под поверхностью черной как смола воды. Геральта, возможно, не особенно волновало, выживет он или умрет, но он не хотел без необходимости подвергать свою лошадь опасности. Она не сделала ничего, чтобы заслужить это.

Гостиница «Кодпис», расположенная на берегу Понтара, славилась своим холодным элем и, естественно, жареным сомом – ведь, как всем известно, сом – король Понтара. Свое название гостиница получила от необычно большого, помятого металлического гульфика, висевшего над каминной полкой, установленного здесь более века назад первоначальным владельцем гостиницы – двадцатилетним хулиганом по имени Карлех Бленхэм. Он вырос сиротой на улицах Третогора и быстро усвоил правила выживания: незаметно отбирать еду и другие товары у ничего не подозревающих лавочников, определять, какие из городских заборов самые надежные, уклоняться от столь же ненадежных сторожей и констеблей и каждую ночь спят с заточкой в руке в опасных переулках самых грязных районов города.

Молодой Карлех мечтал однажды оставить эту жизнь позади и стать уважаемым бизнесменом, но как несовершеннолетнему преступнику удалось осуществить такую мечту? Официальная версия заключалась в том, что подросток Карлех решил записаться в реданскую армию во время одной из ее многочисленных, давних – и теперь почти забытых – войн, и во время одной битвы его гульфик подвергся особенно жестокому удару со стороны каэдвенца. боевой молот.

Карлех утверждал, что, служа своей стране, он копил практически каждый орден своей зарплаты, который позже использовал для строительства своей таверны. Это была очаровательная история и яркий пример «реданской мечты», согласно которой каждый – независимо от статуса – мог посредством упорного труда, самоотверженности и самопожертвования добиться успеха. Однако ни один житель Ринде никогда не удосужился подсчитать, чтобы определить, насколько скудные заработки скромного рядового пехотинца были достаточными для оплаты всех материалов и рабочей силы, необходимых для строительства двухэтажной гостиницы. Но каждый солдат, особенно сражающийся на вражеской земле, знает, что трофеи достаются победителю, даже если эти трофеи придется прятать и вывозить контрабандой. До самой смерти старый мистер Бленхэм – с блеском в глазах – не уставал рассказывать историю о том, как гульфик «защитил его драгоценности».

Именно к этому трактиру ведьмак, прочитав договор, подошел в ночной темноте. Справа от таверны находился небольшой загон с крытыми ларьками. Геральт подвел Плотву к ларьку и заметил в углу тюки сена. Он взял пару горстей сухой травы и положил их в ближайшую корыто, а пока его кобыла завтракала, снял с нее прихватки, выхватил из седельных сумок несколько гребней и щеток и стал удалять запекающуюся грязь, чертополох, и шипы запутались в ее волосах. Приведя в порядок своего скакуна, он опустился на колени в грязи рядом с ней и медитировал, пока два часа спустя не услышал голоса и шаги, доносившиеся из таверны.

Мясник из Блавикена вошел в парадную дверь гостиницы и оглядел окрестности, его глаза никогда не удосуживались взглянуть на гульфик над камином, поскольку он уже знал о его легенде. Несмотря на ранний час, посетителей уже было несколько. Мужчина и женщина сидели за столиком на двоих, с тоской глядя друг на друга и разговаривая тихим шепотом, а два гнома спускались по лестнице со второго этажа, зевая и протирая сонные глаза. Слева была длинная стойка, за которой прислонился молодой трактирщик, громко чмокая и лениво

жевая яблоко, что, по мнению ведьмака, делало его похожим на засранца. Справа от стойки располагались распашные двери в стиле салона, которые, как знал ведьмак, вели на кухню. Даже если бы он не знал, запах жареного мяса, доносившийся с той стороны, был бы очевидной подсказкой. Геральт посмотрел в глаза трактирщику за стойкой и подошел к нему. На вид ему было чуть больше двадцати, и у него были очень тонкие усы.

«Я хотел бы поговорить с Жаком. Он здесь?»

— Фу! Дедушка, ты не веришь в ванну? — спросил бармен с ухмылкой на лице. «Пахнет так, будто ты спал с могильной ведьмой».

Убийца монстров с каменным лицом не произнес ни слова. Он просто всмотрелся в глаза молодого человека.

— Нет? Ничего? Ни малейшей улыбки? — спросил хозяин гостиницы, и его ухмылка исчезла. «Хорошо... ну, гостиницей владеет Жак. Обычно он приезжает сюда сразу после открытия».

Геральт слегка кивнул головой. «Сообщи ему, что я здесь по поводу контракта. И... я хотел бы получить бутылку», — заявил он, бросив пригоршню оренгов на стойку бара.

Бармен фыркнул, и к нему вернулась ухмылка. «Единственная бутылка, которую можно получить за это, — это бутылка мочи».

Ведьмак и на этот раз не ответил на улыбку мужчины. Он просто глубоко вдохнул, а затем очень медленно выдохнул. «Просто дайте мне водки - сколько купите».

— Рановато для этого, не так ли, дедушка? — спросил молодой человек, все еще улыбаясь.

Мясник из Блавикена пристально посмотрел на бармена. — Я тебе скажу, за что еще не рано. Еще не рано избивать.

Ухмылка мужчины тут же исчезла с его лица, он тяжело сглотнул и быстро потянулся за кувшином. Он налил два пальца водки в чашку и поставил ее на стойку перед Белым Волком. Когда он отвернулся, Геральт легко услышал его бормотание: «Должен был знать, что у мутанта нет чувства юмора».

Геральт тут же вытянул левую руку, схватил мужчину за воротник и потянул назад, одновременно выворачивая тело мужчины и ударяя головой о перекладину. Правая рука ведьмака грубо прижимала левую часть лица мужчины к деревянной столешнице. Вся гостиница замолчала, глядя на это зрелище. Единственные звуки, которые мог услышать ведьмак, — это колотящееся в груди сердце мужчины и треск и треск жарящейся еды, доносившийся из соседней кухни.

Белый Волк склонился над извивающейся крепостью гостиницы. «Правильно. Я мутант... и самый опасный негодяй, которого вы когда-либо встречали». Голос ведьмака был едва выше шепота. «Итак, тебе будет полезно не обзывать меня... потому что это ранит мои чувства. И потом... у меня может возникнуть желание причинить тебе боль в ответ. Итак, вот вам несколько советов - пока я не покину это место, не разговаривай со мной, не смотри на меня, вообще, даже не думай обо мне... потому что этот урод-мутант может читать твои мысли. Понял?»

Бармен изо всех сил старался кивнуть головой, несмотря на то, что Геральт держал ее в тисках.

«Доброе утро», — вдруг послышался дружелюбный голос сзади. «Похоже, ты не слишком доволен моим сотрудником».

Ведьмак слегка повернул голову, чтобы краем глаза рассмотреть вновь прибывшего.

«Просто прививаю немного мудрости».

Новичок рассмеялся. «Интересный метод. А какой сегодня урок?»

«Будьте осторожны с теми, кого вы оскорбляете».

Взгляд мужчины перевелся с ведьмака на бармена.

— Якоб, с какой стати ты стал бы оскорблять ведьмака? Я знал, что у тебя дерьмо вместо мозгов, но... правда? Мужчина замолчал, просто покачав головой. «Пожалуйста, простите Якоба, Мастера Ведьмака. У него нет ни капли здравого смысла... и усугубляет проблему заблуждение, что другие находят его чувство юмора очаровательным».

Ведьмак повернулся к Якобу и поднял его так, что их носы оказались всего в нескольких дюймах друг от друга. «Считаешь себя комиком? Предлагаю тебе научиться лучше оценивать свою аудиторию, мальчик. А теперь... уходи».

После освобождения Якоб помчался на кухню, оставив двери салона раскачиваться взад и вперед за ним.

Ведьмак повернулся к работодателю Якоба. «Вы, должно быть, Жак».

— Действительно. А учитывая мечи на твоей спине, ты, должно быть, здесь по поводу контракта.

Получив кивок от ведьмака, Жак указал на ближайший стол. «Давайте поговорим о деле». После того, как они сели, владелец вздохнул и начал: «Я не знаю, что произошло, но я знаю Якоба, поэтому... я хотел бы извиниться за все, что он сделал или сказал».

Ведьмак ответил легким кивком головы.

«Он старший у моей сестры, — продолжал Жак, — и как глава семьи я чувствую себя ответственным за то, чтобы помочь ей, и никто больше в городе не возьмет его на работу. Кажется, у него есть дар, ну, раздражать людей. Он уже некоторое время умолял меня поработать за прилавком, но... похоже, мне нужно снова заставить его гадить в прилавках, - закончил он с печальной улыбкой».

Геральт просто посмотрел на хозяина гостиницы, а затем спросил: «Зачем мне это рассказывать?»

Жак пожал плечами. «О человеке судят по компании, которую он держит, по людям, которых он нанимает. И мне нужно, чтобы вы решили мою проблему. Поэтому мне нужно, чтобы вы были готовы принять контракт. У вас будет меньше шансов заняться бизнесом, со мной, если я потеряю уважение в твоих глазах из-за отсутствия приличия у молодого Якоба».

Белый Волк покачал головой. «Уважение тут ни при чем. Если бы я брал контракты только с людьми, которые мне нравились, я бы никогда не работал. Единственное, что имеет значение — есть ли у тебя монета?» Затем его взгляд переместился на стойку, где была опрокинута его

чашка. «Это и... две рюмки водки, за которые я заплатил».

Жак улыбнулся. — Не проблема, Мастер Ведьмак.

Узнав от Жака столько подробностей о нападении (которых было немного), а затем поторговавшись о цене контракта, ведьмак отправился на восток из Ринде по одинокой дороге в сторону Мюривеля. В его седельной сумке была бутылка водки – одновременно жест доброй воли и «аванс» по контракту от Жака. За четверть часа пейзаж изменился и превратился в умеренно густой лес, нависающие ветки которого покрывали большую часть дороги. Ведьмак учел это и решил, что то, что он преследовал, вероятно, не было летающим зверем, поскольку крылатому существу было бы трудно маневрировать сквозь густую крону деревьев, чтобы напасть на путников.

Меньше чем через час его ведьмачье чутье начало улавливать следы нападения. Первым индикатором был звук агрессивных зверей. Геральту это напоминало рычание диких собак или, возможно, волков. Продолжая ехать, он уловил характерный запах крови и разложившейся плоти, а затем обогнул дорогу, посмотрел вперед и увидел свору собак – примерно шесть-восемь человек – бродивших взад и вперед. Рядом с вьюком стояли две частично разрушенные повозки.

Один лежал на боку, а другой опрокинулся на землю из-за отсутствия переднего колеса. В фургоне еще оставалось немало товаров, разбросанных по дороге. Некоторые пакеты выглядели так, будто их разорвали – возможно, клыками. Ведьмаку придется провести дальнейшее расследование, но тот факт, что товары торговцев не были похищены, был убедительным доказательством того, что это не было делом рук какого-либо партизанского отряда скоя'таэлей. Обычно эльфы и другие нелюди забирают все, что осталось после их атак, в качестве боевых трофеев. Конечно, он также считал маловероятным, что виноваты скоя'таэли, учитывая, что в наши дни их практически не существовало. Тем не менее, он также не верил, что дикие собаки были первыми нападавшими. Они просто не были способны нанести фургонам тот ущерб, который он видел.

Геральт спешил со своей кобылы еще на довольно большом расстоянии от обломков. Он спокойно осмотрел сцену, глубоко выдохнул, а затем медленно направился к рюкзаку. Он не предпринимал никаких попыток скрытности, а просто шел прямо посередине дороги, держа в руках три бомбы «Картинка». Как только собаки заметили его присутствие, он быстро бросил в их сторону три взрывчатки. Пока зажигательные устройства еще находились в воздухе, он побежал к перевернутой повозке. Когда бомбы взорвались, наступил хаос.

Шрапнель и огонь летели во все стороны, кромсая и обжигая большинство клыков. Ведьмак перепрыгнул пару собак, а затем вскочил на борт опрокинутой повозки, стоя на высоте добрых пяти футов над землей. Он удержал равновесие на шаткой повозке, а затем схватил бомбу «Дьявольский дождевик» и швырнул ее в трех собак, стоявших под ним, которые прыгали и щелкали у его ног. Когда яд наполнил воздух и подействовал на животных внизу, он прыгнул назад по деревянной доске длиной восемь футов, чтобы выбраться из зоны действия ядовитого взрыва. В тот момент только двое из восьми дворняг все еще стояли, но даже у них изо рта шла пена, а из глаз текла кровь — очевидный эффект ядовитого газа. Он вытащил арбалет из-за спины и спокойно выстрелил им в голову, по сути прекратив атаку. Некоторые из стаи лежали на земле и скулили от боли. Геральт спрыгнул с перил повозки, выхватил стальной меч и быстро положил конец их страданиям.

Убийца монстров осмотрел местность. Ярдах в пятидесяти впереди, вдоль дороги, он увидел еще одну поврежденную повозку. За ним он мог видеть еще одно. Зверь – кем бы он ни был –

очевидно, напал на нескольких торговцев, перевозивших их товары. Ведьмак не смог увидеть или обнаружить поблизости человеческие трупы. Не было он и лошадей – живых или мертвых – поблизости. Они либо сбежали, либо были убиты и увезены. Отсутствие тел заставило ведьмака думать, что этот неизвестный зверь убивает ради еды, а не просто для защиты своей территории. Он также понял, что монстр, очевидно, уносил трупы в другое место, чтобы съесть их, поскольку на дороге не было видно останков.

Белый Волк начал исследовать землю в поисках улики, но процесс был сложным, потому что дикие собаки уничтожили и заразили большую часть улики в этом районе. В конце концов, на северной стороне дороги он нашел кровавый след и несколько очень больших следов. Судя по всему, следы принадлежали какому-то троллю, но Геральта смутил их размер. Когда он смотрел вниз, на лесную подстилку, его взгляд привлек медальон Цири в виде волчьей головы, который он держал привязанным к петле для ремня своих брюк. Он схватил его левой рукой и поднял с того места, где он обычно висел на верхней части бедра. Он держал его на уровне талии, глядя на сувенир, и поток воспоминаний пронесся в его голове.

Ведьмак довольно долго стоял молча и неподвижно, погруженный в свои мысли. В конце концов он глубоко выдохнул и оторвал глаза от медальона. Отбросив его на бок, он свистнул Роучу. Его кобыла послушно подошла к своему хозяину, а Геральт стоял перед ней, поглаживая ее нос и челюсть. Через несколько минут он подошел к ней, просунул руку под нее и отстегнул седло. Он снял его и попону, отнес их на обочину дороги и бросил за дерево. Затем он вернулся к Роучу и снял уздечку. Он посмотрел ей в глаза и еще немного погладил ее.

«Ты был отличной лошадей... и отличным другом. Всегда преданный. Я не мог просить большего». Затем он тяжело вздохнул. «Береги себя, девочка».

Проведя рукой по шее кобылы в последний раз, ведьмак повернулся к кровавому следу и медленно последовал за ним в лес.

ooo

<http://tl.rulate.ru/book/100010/3408393>